

<sup>5</sup> Муравьев, К.В. Указ. соч. — С. 19.

<sup>6</sup> Козлова, Н. Российская газета. — 2007. — 19 июля. — № 4417

<sup>7</sup> Овсянников, И.В. Предъявление подозрения как гарантия прав подозреваемого / И.В. Овсянников, В.С. Овсянников // Уголовный процесс. — 2006. — № 1. — С. 39.

<sup>8</sup> Указанную позицию поддерживают следующие правоведы: Терегулова, А.А. Правовое положение подозреваемого в уголовном процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / А.А. Терегулова. — Челябинск. — 2008. — С. 11; Кальницкий, В.В. Указ. соч.

<sup>9</sup> Азаренок, И.В. Некоторые вопросы применения норм статьи 223.1 УПК РФ / И.В. Азаренок // Правовой вестник. — 2007. — № 9. — Режим доступа: [http://www.yursluzba.ru/jurnal/jurnal\\_2007\\_09.htm](http://www.yursluzba.ru/jurnal/jurnal_2007_09.htm)

*С.А. Борисов\**

## **РЕАЛИЗАЦИЯ ПРИНЦИПА СОСТЯЗАТЕЛЬНОСТИ ПО УСТАВУ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА 1864 г.**

1. Реформа уголовного процесса в современной России, проведенная в последнее десятилетие XX века, обозначила принципиальные изменения концепции построения отечественного судопроизводства. Одним из важнейших достижений этой реформы можно назвать выбор вектора развития законодательства в сторону состязательности.

История российского уголовного процесса показывает, что это направление развития, определенное принятием Концепции судебной реформы РСФСР в 1991 году, оформившееся с принятием УПК РФ в 2001 г. и продолжающееся по сей день (последние существенные изменения в УПК датированы 30 декабря 2008 г.), представляло собой продолжение исторических традиций. Во многом сходные процессы становления состязательности происходили в дореволюционной России в 60-е годы XIX века. Об этом свидетельствуют принятый 8 июня 1860 г. Закон Российской Империи об учреждении су-

---

\* © Борисов С.А., 2009

*Борисов Станислав Алексеевич* — аспирант кафедры уголовного процесса и криминалистики Самарского государственного университета

дебных следователей, которые вводились в состав судебной власти, а также принятый 20 ноября 1864 года такой важнейший памятник уголовно-процессуального законодательства, как Устав уголовного судопроизводства.

Исследование путей развития уголовного процесса почти полтора века назад в сравнении с современностью позволяет считать проблему реализации принципа состязательности, обозначенную Уставом уголовного судопроизводства, актуальной и сегодня. Исторический подход может помочь анализу верности пути, выбранного современным законодателем.

При всем многообразии разрабатываемых наукой представлений об идеальном состязательном типе уголовного процесса один из его самых емких коренных признаков, наряду с наличием сторон обвинения и защиты, их процессуальным равноправием, состоит, прежде всего, в противоборстве сторон обвинения (или уголовного преследования) и защиты, а также в независимости суда от сторон. Данные признаки в теории уголовного процесса считаются необходимыми, т.к. для всякого состязания нужны как минимум два конкурирующих субъекта, наделенные сравнимыми стартовыми возможностями для защиты своих законных интересов, и «между ними» находится нейтральный арбитр, без которого немислимо никакое справедливое состязание<sup>1</sup>.

2. С этих позиций и попытаемся проанализировать законоположения Устава уголовного судопроизводства. Анализ показывает, что важнейшие шаги, осуществленные тогда законодателем, направили отечественный уголовный процесс в сторону утверждения состязательности.

Составители судебных уставов, и в частности Устава уголовного судопроизводства (далее — УУС), стремились предоставить судебной власти отсутствовавшую у нее до того полноту и целостность, сделать суд независимым от административных органов<sup>2</sup>. Был провозглашен отказ от формальной теории доказательств, что зафиксировало появление таких необходимых качественных характеристик доказательственной информации, как достоверность и в целом достаточность доказательств (см. ст. 47, 80, 299, 425, 542, 688, 1036 УУС). Выдвижение на первый план субъективного критерия — внутреннего усмотрения судьи для оценки сведений о фактах, исследуемых в ходе судопроизводства, лишило доказательства, представляемые судье, предустановленной силы. Это наделило стороны возможностью проявлять большую активность в обосновании правильности своей позиции, то есть также стало одной из основ состязательности судопроизводства.

3. Для анализа реализации принципа состязательности в уголовном процессе по УУС прежде всего следует обратиться к досудебным стадиям производства по делу. УУС нигде не упоминал об участии сторон в предварительном следствии. Ст. 249 Устава называла среди лиц, участвующих в производстве предварительного следствия, только судебных следователей, содействующую им полицию и наблюдающих за ними прокуроров и их товарищей. При этом Устав допускал и некоторую активность обвиняемого, потерпевшего, гражданского истца. Так, обвиняемый имел право присутствовать при всех следственных действиях, и лишь в случае необходимости следователь первоначально мог допрашивать свидетелей в его отсутствие. Но и в этом случае протоколы допросов должны были быть прочитаны обвиняемому, который мог ходатайствовать о дополнительных вопросах свидетелям, а также представлять оправдательные доказательства. Обвиняемый имел право на получение копий со всех следственных актов. После его явки или привода проводился обязательный немедленный первоначальный допрос (ст. 398), по окончании следствия ему предъявлялись все процессуальные акты, а по итогам их изучения он мог ходатайствовать о дополнении следствия (ст. 476)<sup>3</sup>. Кроме того, на все действия следователя обвиняемый мог приносить жалобы, которые должны были быть немедленно представлены в суд и рассмотрены им (см. ст. 399, 446, 448 УУС и др.). Такими же правами пользовался на предварительном следствии и потерпевший (ст. 304 УУС). Закрепленные законом возможности этих участников процесса отстаивать свои противоположные интересы и составляли существенный элемент состязательности предварительного следствия.

4. Состязательность досудебного производства ослаблялась, однако, тем, что к участию в предварительном следствии не допускался защитник обвиняемого. В обсуждении проекта Устава уголовного судопроизводства предлагалось допустить защиту на предварительном следствии. Однако это предложение было отвергнуто по тем мотивам, что защита тогда должна быть поставлена в определенные границы для недопущения содействия обвиняемому в укрытии следов преступления и подобных действий<sup>4</sup>. Представляется, что такое ограничение могло быть оправдано закреплением в УУС особого положения следователя.

Как уже упоминалось, законом Российской Империи 8 июля 1860 г. предварительное следствие было выведено из системы полицейских органов, была ограничена роль полиции в расследовании, учреждена процессуальная фигура судебного следователя. В соответствии с этим

актом он считался представителем судебной власти, что впоследствии нашло подтверждение в ст. 264 УУС, в соответствии с которой судебный следователь действовал самостоятельно и предпринимал «собственную власть» все меры, необходимые для производства следствия», а также в ст. 265, согласно которой он обязан был с полным беспристрастием приводить в известность как обстоятельства, уличающие обвиняемого, так и обстоятельства, его оправдывающие. Другие нормы УУС закрепляли контроль за деятельностью судебного следователя по производству предварительного следствия со стороны окружного суда, к которому он был приписан. Суд мог, в частности, передать производство следствия другому следователю, а произведенные следственные действия признать недействительными и подлежащими возобновлению (ст. 507 УУС).

5. Учитывая ряд норм Устава, такое положение судебного следователя представляется, однако, двойственным.

Об этом, в первую очередь, говорит предоставление судебному следователю несовместимого с ролью судьи права на возбуждение уголовного преследования «по непосредственному усмотрению», — в случае, если он застигнет совершающееся или только что совершившееся преступление (п. 5 ст. 297, ст. 313). Данное полномочие, бесспорно, сближало следователя с представителями обвинительной власти<sup>5</sup>.

Действительно, обвинительная власть оказывала значительное влияние на деятельность судебных следователей. В. Случевский указывал, что «закон, исходя из соображений, что прокурорские предложения должны иметь обязательную силу для следователя и что допущение пререканий между этими двумя органами власти не соответствовало бы ни обязанностям следователя, ни достоинству надзирающей за ними прокурорской власти, не установил пути для разрешения тех разномыслий, которые могут возникнуть и, как показывает действительность, действительно возникают между ними»<sup>6</sup>. С.А. Шейфер отмечает, что нормы УУС устанавливали многогранный по содержанию характер отношений прокурора и следователя<sup>7</sup>. Предварительное следствие производили исключительно судебные следователи (лишь в случаях, не терпящих отлагательства правом осуществлять следственные действия наделялась полиция — ст. 258 УУС), однако прокуроры и их товарищи наделялись правом давать предложения и требовать от судебных следователей проведения определенных процессуальных действий (ст. 281, 285, 286) и полномочием наблюдать за производством следствия (ст. 278 УУС). Система взаимоотношений прокуратуры и органа расследования, установленная УУС, кажется весьма запутан-

ной еще и благодаря недостаткам в юридической технике: прокурор «*дает предложения*» следователю (ст. 278), в то время как следователь уже «*исполняет требования прокурора*» (ст. 281, 285 УУС).

Отметим в то же время, что ст. 281 УУС требовала, чтобы следователь, исполняя законные требования прокурора, отмечал в протоколе, какие именно меры приняты по требованию последнего; в статье 280 УУС, предоставляя прокурору право присутствовать при проведении всех следственных действий и рассматривать следственное производство, оговаривалось, чтобы это не останавливало, однако, хода следствия. Эти нормы охраняли процессуальную самостоятельность следователя.

6. Неоднозначными оказались и установленные в соответствии с УУС взаимоотношения следователя с полицией. Неточное разделение роли предварительного следствия и дознания (фактически — розыска), несмотря на попытку создания в лице судебного следователя беспристрастного и объективного носителя судебной власти, повлекло за собой определенное взаимопроникновение полицейской и следственной деятельности<sup>8</sup>. Признав целью дознания обнаружение признаков преступного деяния (вне зависимости от наличия обвиняемого в процессе), УУС возложил на следователя в том числе и задачу розыска виновного (см. ст. 276 УУС), что соответствует больше характеру деятельности по дознанию и поворачивает судебного следователя к направлению, «совершенно не гармонирующему с его судебским положением»<sup>9</sup>.

Судебный следователь имел право поручать полиции производство дознания и собирание справок по сделанным им указаниям (ст. 271). Одновременно полиция в ряде случаев была вправе самостоятельно производить дознание (ст. 252, 253), и в случаях, не терпящих отлагательства, даже заменять следователя в проведении следственных действий (ст. 258). Таким образом, судебный следователь фактически осуществлял функцию уголовного преследования, что прямо противоречило его формальному статусу. Наконец, УУС определил некую двойственную подчиненность полиции: она, с одной стороны, согласно ст. 279, во время производства дознания находилась «в непосредственной зависимости от прокуроров и их товарищей», а с другой — была обязана исполнять все законные требования судебного следователя (согл. ст. 270 УУС), а судебный следователь имел право проверять, дополнять и отменять действия полиции по произведенному ею первоначальному исследованию (ст. 269 УУС).



Реализация принципа состязательности в уголовном судопроизводстве невозможна без активного участия, а иногда и прямого вмешательства судебной власти в процесс расследования преступлений. УУС содержал нормы, гарантирующие лицам, участвующим в деле, право приносить в суд жалобы на следственные действия (в случае, если этими следственными действиями затрагивались их права — ст. 491, 494 УУС). Однако таким образом обжаловались лишь действия только судебного следователя. Касательно действий полиции УУС предписывал приносить жалобу уже прокурору, то есть такому же представителю обвинительной власти.

7. Таким образом, судебный следователь на досудебных стадиях представлял собой фактически фигуру, сохранившуюся от прежнего, инквизиционного процесса. Такое его положение вызывало критику современников-процессуалистов, считавших, что наличие дуализма оснований, на которых основываются предварительное следствие и следствие судебное, строящееся, соответственно, на состязательных началах, отрицательным образом сказывается на отправлении уголовного правосудия. Были высказаны предложения об усилении состязательности досудебного производства, в частности, путем лишения судебного следователя обязанностей, позволяющих трактовать их осуществление как обвинительную деятельность (начинать уголовное преследование, «приводить в известность» обстоятельства, уличающие обвиняемого и т.п.). Задача предварительного следствия в таком случае заключалась бы в том, чтобы оценить доказательственный материал, собранный и представленный сторонами судье-следователю, и дать судебное определение, разрешающее вопрос о дальнейшем движении уголовного обвинения<sup>10</sup>. Однако с этим трудно согласиться сегодня, учитывая смешанный характер отечественного уголовного процесса, основанный, в свою очередь, на юрисдикционном характере деятельности следователя, а также на необходимой цели деятельности последнего, которую четко фиксировал Устав, — установлении материальной истины посредством всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств дела<sup>11</sup>.

8. Реализация состязательных начал в Уставе уголовного судопроизводства оказала свое влияние и на конструкцию такой стадии процесса, как предание суду. По окончании предварительного следствия следователь передавал все материалы дела прокурору окружного суда, и тот, согласно ст. 510 УУС, решал вопросы, произведено ли следствие с надлежащей полнотой и следует ли обвиняемого предать суду, или же дело о нем должно быть прекращено или приостановлено.

Прокурор фактически проверял проделанную судебным следователем работу, имея полномочие при обнаружении недостатков расследования в определенных случаях дать делу дальнейший ход (ст. 512, 516, 517). Однако прокурор не был наделен правом прекращать или приостанавливать следствие по причине неосновательности обвинения или другим законным причинам или разделять производства; он мог лишь указать о такой необходимости в своем заключении (ст. 518). Оно в случае решения о предании обвиняемого суду имело форму обвинительного акта и обладало серьезнейшим значением для сторон, так как, во-первых, знакомило суд, а также защиту с обвинением, а во-вторых, сковывало прокурора пределами обвинения в суде.

К обвинительному акту прокурор прилагал список лиц, которые, по его мнению, подлежали вызову в суд (и этот список являлся для суда обязательным — отказать в вызове указанных там лиц он, согласно ст. 573 УУС, не мог). При этом закон не содержал требования указывать на лиц, которые привлекаются к участию в судебном разбирательстве стороной защиты.

В случае если дело подлежало рассмотрению в суде с участием присяжных заседателей, обвинительный акт затем рассматривался в судебной палате (ст. 529-542 УУС), выполнявшей функцию камеры предания суду. Судебная палата, по сути, являлась высшей обвинительной властью, однако она была призвана в том числе служить и обеспечению интересов личности обвиняемого: опосредованно, через контроль деятельности прокуратуры и частных обвинителей<sup>12</sup>.

Содержание стадии предания суду показывает, что на ней сторона защиты не была наделена, по сути, никакими правами и непосредственно вопрос о предании суду решался без ее участия. Несмотря на то что прокурор и судебная палата выступали на данном этапе, возможно, более защитниками законности, нежели представителями обвинения, тем не менее представляется очевидным, что рассмотрение дела на этой стадии больше соответствовало инквизиционному предварительному следствию, чем разбирательству дела в суде, построенному на началах состязательности.

9. Перед началом рассмотрения дела подсудимому по распоряжению председателя суда передавалась копия обвинительного акта (или жалобы частного обвинителя), а также список лиц, которые подлежали вызову в суд (ст. 556). Процессуальное значение вручения этих документов велико, т.к. посредством этого действия суд обеспечивал реализацию начала равноправия сторон в судопроизводстве. Но только с этого момента подсудимый узнавал сущность выдвигаемого про-

тив него обвинения и доводов, находящихся в основе этого обвинения; только с этого момента он приобретал право вызова свидетелей.

Судебное разбирательство как у мирового судьи, так и в общих судебных установлениях в соответствии с Уставом было построено на основе состязательности сторон. На это указывают зафиксированные в УУС многочисленные права подсудимого и его защитника, процессуально уравнивавшие права стороны обвинения. Законодательно были закреплены право подсудимого на защиту (ст. 557, 565-568), ознакомление стороны защиты с материалами дела (ст. 570) и др. Стороны наделялись на суде одинаковыми правами: представлять доказательства; ходатайствовать об отводах; возражать против свидетельских показаний и просить суд о том, чтобы свидетели были передпрошены в присутствии или отсутствие друг друга; давать объяснения и замечания по каждому действию, происходящему в суде; опровергать доводы и соображения противоположной стороны. На судебном следствии к допросу свидетеля допускалась не только вызвавшая его сторона, но и противоположная. Заключительные прения, подводящие итог судебной проверке доказательств, состояли из речей обеих сторон, а подсудимому предоставлялось право последнего слова. Однако УУС устанавливал ограничение содержания речи защитника — он не должен был «ни распространяться о предметах, не имеющих никакого отношения к делу, ни позволять себе нарушать должное уважение к религии, закону и установленным властям, ни употреблять выражений, оскорбительных для чьей бы то ни было личности» (ст. 745). Это, по мнению ряда исследователей-современников, отражало определенное недоверие к защитникам (в основном из числа присяжных поверенных), существовавшее тогда в правительственных кругах<sup>13</sup>.

УУС содержал широкий круг норм-гарантий процессуального статуса подсудимого в судебном разбирательстве. Так, на судебном следствии он не обязан был помогать суду в достижении целей уголовного судопроизводства, определенных Уставом, то есть в установлении материальной истины, а поэтому в нем содержалось положение, в соответствии с которым молчание подсудимого не могло считаться признанием им своей вины. Важнейшим состязательным элементом судебного разбирательства являлось то, что подсудимый, отрицающий совершение им преступления, не подвергался допросу ни со стороны прокурора, ни со стороны суда. Однако ст. 684 Устава предоставляла право суду и присяжным «предлагать подсудимому вопросы по всем обстоятельствам дела, представляющимся им недостаточно



разъясненными», что на практике превращалось в настоящий допрос несознающего подсудимого со стороны председателя и членов суда<sup>14</sup>.

Состязательный характер судопроизводства в общих судебных местах подкреплялся правом сторон на отвод судей (ст. 599-607) и присяжных заседателей из предъявленного им сессионного списка (ст. 655-657), сведущих людей (ст. 694), свидетелей (ст. 707-710) и переводчика (ст. 731). Прокурор имел право отвести не более шести заседателей; подсудимому же (или всем подсудимым вместе) разрешалось отвести столько заседателей, чтобы из общего числа 30 осталось не менее 18 неотведенных лиц. В дальнейшем это широкое право сторон было сужено, сторона обвинения была ограничена правом отвести трех заседателей, и столько же могла отвести сторона защиты. Такое изменение положений Устава объяснялось желанием законодателя еще более уравнивать права сторон<sup>15</sup>.

10. Итак, Устав уголовного судопроизводства сформировал в России систему процесса, в которой состязательные начала были представлены в полной мере лишь на стадии судебного разбирательства, в то время как досудебное производство в значительной мере оставалось, как и прежде, по своему характеру инквизиционным. Уголовное судопроизводство выстраивалось на основании выделения негласного предварительного следствия, находящегося под сильным влиянием прокурора, и судебного разбирательства, в котором в порядке гласного и устного состязания между прокурором и подсудимым с защитником проводилась проверка судом всех доказательств и выносился приговор.

Такая конструкция предварительного следствия подверглась бурному обсуждению среди современников, признававших, в частности, что принцип равноправия сторон, закрепленный в УУС, проводился непоследовательно и с определенными отклонениями от идеальной модели его реализации (хотя, отметим, что ими также признавалась и недостижимость этого идеала). Среди таких отклонений указывалось на предоставление прокурору, осуществляющему функцию обвинения, преимущественного права на вызов свидетелей (согласно ст. 573 УУС); осуществление прокурором в суде не только функции обвинителя, но и функции представителя законности<sup>16</sup> и т.д. В. Даневский полагал, что предварительное следствие по Судебным Устам Александра II — едва ли не самая слабая часть тогдашнего уголовного процесса, и вызвано это было пронизывающими эту стадию судопроизводства инквизиционными началами, серьезным образом противоречащими принципу состязательности уголовного судопроизводства<sup>17</sup>.

С. Познышев также считал необходимым ввести в досудебное производство начала состязательности, в первую очередь допустив на предварительном следствии защиту<sup>18</sup>.

В то же время судебное производство строилось на основе состязательности, что, прежде всего, находило свое проявление в возможности активной деятельности стороны защиты и многочисленных гарантий прав подсудимого, обусловленных его процессуальным статусом.

Несмотря на это, право обвиняемого знать, в чем он обвиняется, присутствовать при проведении всех следственных действий, обжаловать действия следователя и полиции и другие законодательно закрепленные положения Устава уголовного судопроизводства, направленные на достижение равноправия сторон, позволяют связать проникновение состязательных начал в стадию досудебного производства именно с этим актом. Рассмотренные выше положения Устава побуждают к размышлениям о сущности современного предварительного расследования, особенно в связи с его кардинальными изменениями, вызванными ФЗ от 5 июня 2007 г., и о перспективах его дальнейшего развития.

## Примечания

<sup>1</sup> См.: Фойницкий, И.Я. Курс уголовного судопроизводства / И.Я. Фойницкий. — СПб., 1996. — Т. 1. — С. 63-64; Смирнов, А.В. Состязательный процесс / А.В. Смирнов. — СПб., 2001. С. 18-19. Аналогичной точки зрения придерживалось большинство отечественных процессуалистов, зачастую выделяя в качестве одного из признаков еще и активность суда. В частности, см.: Добровольская, Т.Н. Принципы советского уголовного процесса / Т.Н. Добровольская. — М., 1971. — С. 135-138. Интересно, что В. Случевский связывал необходимость присутствия в судебном разбирательстве двух равноправных противоположных сторон в конечном итоге со свойствами человеческого ума, имеющего потребностью в интересах правильности суждения обособить pro и contra. См.: Случевский, В.К. Учебник уголовного процесса / В.К. Случевский. — 4-е изд., доп. и испр. — СПб., 1913. — С. 68, 217. О том же см.: Познышев, С.В. Элементарный учебник русского уголовного процесса / С.В. Познышев. — М., 1913. — С. 30.

<sup>2</sup> См.: Духовской, М.В. Русский уголовный процесс / М.В. Духовской. — М., 1910. С. 30; Чельцов-Бебутов, М.А. Курс уголовно-процессуального права. Очерки по истории суда и уголовного процесса в рабовладельческих, феодальных и буржуазных государствах / М.А. Чельцов-Бебутов. — СПб., 1995. — С. 720.

<sup>3</sup> Закон содержал указание предъявить обвиняемому производство только по просьбе последнего, однако современники признавали это если не юри-

дической, то во всяком случае нравственной обязанностью судебного следователя — объявить обвиняемому, что он имеет право ознакомиться с материалами дела. См.: Квачевский, А.А. Об уголовном преследовании, дознании и предварительном исследовании преступлений по судебным уставам 1864 года: в 3 ч. Ч.3 / А.А. Квачевский. — СПб., 1866. — С. 527.

<sup>4</sup> См.: Духовской, М.В. Указ. соч. С. 274; Чельцов-Бебутов, М.А. Указ. соч. — С. 783.

<sup>5</sup> Современники, однако, видели в этом исключение из правила о разделении судебной и обвинительной властей, допустимое ввиду того, что судебный следователь был бы поставлен в весьма затруднительное положение и не мог бы оставаться пассивным в случае, если он оказался очевидцем преступления. См.: Духовской, М.В. Указ. соч. — С. 168; Познышев, С.В. Указ. соч. — С. 217. А.А. Квачевский и И.Я. Фойницкий полагали, что это было продиктовано прежде всего практическими соображениями — невозможностью сосредоточить в руках одного прокурора всей обвинительной власти в сложных географических условиях России, способных заstopорить производство по уголовному делу. — См.: Квачевский, А.А. Указ. соч. — Ч. 1. — С. 155-161; Фойницкий, И.Я. Указ. соч. — Т. 1. — С. 67.

<sup>6</sup> Случевский, В.К. Указ. соч. — С. 245.

<sup>7</sup> Шейфер, С.А. Прокурорская и следственная власть: сущность и проблемы взаимоотношения / С.А. Шейфер // Актуальные проблемы теории и практики уголовного судопроизводства. — М., 2009.

<sup>8</sup> Шейфер, С.А. Указ. соч. Также об этом см.: Даневский, В.П. Наше предварительное следствие: его недостатки и реформа / В.П. Даневский. — Киев, 2003. — С. 25, 28-33 и др.; Духовской, М.В. Указ. соч. С. 267 и след.; Познышев, С.В. Указ. соч. — С. 229; Случевский, В.К. Указ. соч. — С. 514.

<sup>9</sup> Случевский, В.К. Указ. соч. — С. 507.

<sup>10</sup> См.: Даневский, В.П. Указ. соч. — С. 26-28.

<sup>11</sup> В. Случевский хотя и считал предварительное следствие, развивающееся в форме следственного процесса, не удовлетворяющим своему назначению, однако полагал невозможным введения в эту стадию производства элементов состязательного процесса до тех пор, пока не изменятся соответствующим образом общественные отношения. См.: Случевский, В.К. Указ. соч. — С. 503, 505 и др.

<sup>12</sup> См. Случевский, В.К. Указ. соч. — С. 541 и др.; Квачевский, А.А. Указ. соч. — С. 163.

<sup>13</sup> См. Чельцов-Бебутов, М.А. Указ. соч. — С. 787. В.М. Духовской, однако, считает, что данное требование должно было распространяться и на речи остальных участвовавших в деле лиц. См.: Духовской, В.М. Указ. соч. — С. 318.

<sup>14</sup> См. Чельцов-Бебутов, М.А. Указ. соч. — С. 787.

<sup>15</sup> Там же. — С. 789.

<sup>16</sup> См.: Случевский, В.К. Указ. соч. — С. 69.

<sup>17</sup> См. Даневский, В.П. Указ. соч. — С. 23.

<sup>18</sup> См.: Познышев, С.В. Указ. соч. — С. 238.